

Братя ГРИММ

Братья ГРИММ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СКАЗОК И ЛЕГЕНД
В ОДНОМ ТОМЕ

2015
МОСКВА

УДК 821.112.2-34
ББК 84(4Гем)-44
Г84

Перевод с немецкого
Комментарии *Е. Гиляровой*

Полное собрание сочинений
Оформление серии *О. Горбовской*
Оформление переплета *Н. Ярусовой*

Полное собрание сочинений (подарочное оформление)
Оформление *Н. Ярусовой*

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации
Г. Лейтемманна,
Ф. Грот-Иоганна и *Р. Лейнвебера*

Гримм, Якоб.

Г84 Полное собрание сказок и легенд в одном томе / Братья Гримм ;
[пер. с нем. Е. Гиляровой, К. Савельева]. — Москва : Издательство «Э»,
2015. — 832 с. — (Полное собрание сочинений).

ISBN 978-5-699-80623-2 (Оф. 1)

ISBN 978-5-699-81910-2 (Оф. 2)

Знаменитые сказки братьев Гримм, чудесные, ироничные, страшные — и знакомые каждому с детства. Популярные и любимые герои: Красная Шапочка, Храбрый портняжка, Бременские музыканты — соседствуют с не столь известными: Белой и Черной невестой, Домовыми, Чертом с тремя золотыми волосками — в книге собрано более двухсот сказок и легенд! Сказочное чтение увлечет и развлечет не только детей, но и взрослых — даже после тщательной цензуры братьев Гримм, убравших эротические подробности из народных сюжетов.

В приложении — новые переводы сказок и легенд разных земель: тирольских, швабских, саксонских, собранных преемниками братьев Гримм.

УДК 821.112.2-34
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-699-80623-2 (Оф. 1)
ISBN 978-5-699-81910-2 (Оф. 2)

© А. Сумм, предисловие, 2015
© Е. Гилярова, перевод, комментарии, 2015
© К. Савельев, перевод, 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

МОЛОКО ЛЮБИМОЙ ЖЕНЩИНЫ

Когда в постсоветской России впервые появилось белое полусладкое из регионов Рейн-Гессен и Реунгау, продавалось оно под именем «Молоко любимой женщины». Однако «любимой женщиной» в Германии называли ту, к кому итальянцы обращаются «моя госпожа», «мадонна». Видимо, сказалась разница традиций: в России вино кажется не слишком-то уместной темой, когда разговор идет о Богородице (хотя не она ли напомнила Сыну в Кане Галилейской, что свадебным гостям может не хватить радостного напитка). Вот и из собрания сказок и детских легенд братьев Гримм еще в дореволюционных переводах была изгнана детская легенда «Стаканчик Богородицы». Чтобы нумерация все-таки совпала, составители дореволюционных сборников переносили в легенды «Золотой ключик», которым братья Гримм неизменно заканчивали раздел собственно сказок (ведь это явно не христианская легенда, а притча о чтении), а на место последней, двухсотой сказки ставили какой-нибудь дополнительный вариант, не попавший в окончательное собрание сочинений. В советское время, естественно, отпали и все «детские легенды» с их христианскими мотивами, но теперь они вернулись, и нам по-прежнему не хватает той давно потерявшейся легенды. Приведем ее целиком здесь, чтобы сборник пришел в точное соответствие с немецким каноническим шестым (1850 года) изданием «Детских и домашних сказок»: 200 сказок и 10 «детских легенд».

«Стаканчик Богоматери»

Как-то раз возница, чересчур нагрузивший свою повозку бочками с вином, застрял с нею и, сколько ни бился, так и не сумел ее вытолкнуть. А той же дорожкой как раз шла Матерь Божья и, увидев, в какой нужде оказался этот бедняга, сказала ему: «Я устала и хочу пить, дай мне стаканчик вина, а я помогу тебе вытолкнуть телегу». — «Охотно, — отвечал возница, — вот только нет у меня стаканчика, чтобы налить тебе в него». Тогда Матерь Божья сорвала белый цветок с красными полосками, который называется «вьюнок» и так похож с виду на стаканчик, и протянула его вознице. Тот наполнил этот бокал вином, Матерь Божья выпила, и телега тут же освободилась, так что возница смог поехать дальше. А цветок и поныне зовут «стаканчиком Богоматери».

До сводного канонического издания составители шли полжизни: первое, намного более короткое издание, вышло двумя томами в 1812–1815 годах, и Якоб Гримм, отправившись в составе делегации от княжества Гессен-Кассель на Венский конгресс, ухитрился провести там нечто вроде презентации. Ему это казалось правильным: в обстановке полного замирения Европы после наполеоновских походов, реставрации монархии и восстановления границ самое время было подумать о сказках, воплощающих индивидуальный дух народа и напоминающих о единых корнях. Сказкам оба брата, и Якоб, и Вильгельм, придавали воспитательное значение, потому и адресовали их в первую очередь детям, хотя иные сказки сюжетно сложны, а многие первоначально содержали элементы, которые вполне могут быть отмечены наклейкой «16+», а то и «18+». Сказки-то сочиняют отнюдь не дети, а взрослые люди, из тех, что склонны и лопату называть лопатой, и все прочее — тоже точными именами. Из педагогических целей братья позднее процензурировали аутентичные записи и практически полностью убрали из печатной версии эротику. Распущенные волосы Рапунцель-Колокольчик — вот и вся распущенность: простодушное удивление, отчего вдруг платье стало тесно, исчезло.

А насчет «жестокости» этих сказок озаботились лишь в XX веке, и в иных детских сборниках принялись их смягчать. Возможно, заодно лишили сказки и воспитательной сути: Честертон выступал в защиту страшных сказок, доказывая, что жестокая мачеха должна прокатиться в бочке, утыканной гвоздями, и подлые сестрицы — обути раскаленные башмаки,

иначе не будет удовлетворена главная детская потребность, жажда справедливости, и еще более первичная жажда смысла. Наказание должно следовать за преступлением: в мире, лишенном такой логики, жить гораздо страшнее, чем в мире, где Ад предусмотрен. Именно в таком мире, где зло будет покарано, среди сорной травы цветут «стаканчики Богоматери».

Так думал Честертон, а он читал эти сказки в детстве. И он, и даже его бабушки и дедушки — первый английский перевод вышел по горячим следам, еще в 1823 году. Практически одновременно вышло и французское издание, а в 1826 году Жуковский уже перевел две сказки с французского. Полное русское издание вышло в 1860-х годах, но со многими сказками был знаком и Пушкин, чему порукой «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях».

Полагаясь на сказки как на хранилище народной памяти, братья Гримм отнюдь не подразумевали изоляционизма. Они охотно включали и те сюжеты, которые относятся к числу бродячих и вечных, и более того: иные сюжеты, ранее бытовавшие лишь в Германии, заимствовались уже из книги и превращались в достояние других народов. Так, в XX веке величайший специалист по сказочным сюжетам Владимир Пропп обнаружил в русской деревне полностью «одомашненные» вариации «Бременских музыкантов» и «Красной Шапочки», которых ранее в реестре русских мотивов не числилось. Впрочем, кто-нибудь сомневался в том, что именно «Красная Шапочка» и «Бременские музыканты» — наши? Только так и было.

Вот что имели в виду братья Гримм, говоря о народном духе сказки и ее основной роли в воспитании. Каждый народ уникален, и собрание сказок хранит эту уникальную память. Каждый народ уникален среди других народов, и собрание сказок хранит его связи с другими народами. Братья были не просто собирателями, но и учеными. Они исследовали отношения немецкой сказки со скандинавскими легендами, с саксонскими преданиями, влияние французов и итальянцев, славянский элемент. Сам способ, которым они собирали сказки, был таким же домашне-всемирным, как детство. Братья признали народными 18 прочитанных в детстве литературных сказок и обратились к соседям и соседкам в Касселе с просьбой записать, что тем запомнилось. К кругу родственников присоединили еще несколько надежных источников: две помещичьи семьи, возвращенные на побасенках нянек и горничных, пастухов и егерей; дочь трактирщика; жену управляюще-

го больницы. После первого издания взносы пошли со всех концов страны, распирываясь от Касселя, земли Гессен, в Вестфалию, а там и дальше, до Бремена с его музыкантами и до Швабии с потешными швабами. И поскольку «народ» братья отнюдь не ограничивали кругом людей необразованных, то проникли в их сборник и книжные, в том числе иноземных авторов мотивы, особенно из Шарля Перро. Позднее они отказались от «Синей Бороды» и «Кота в сапогах», но уж никак не от «Красной Шапочки».

Так и вошли в наше чтение «Сказки братьев Grimm» — насквозь немецкие и всецело общие. И если сложилось сыздетства некое представление о *сумрачном германском гении* — то о гении сказки. Внутри всех передраг двухсотлетия от Венского конгресса — до какого нынче? — под страшными масками и гримасами всегда жива и животворит та пряничная детская страна.

Немецкой сказке отменно повезло, ибо к ней всегда относились не как к детской забаве, но всерьез. К ней возвращались многократно, в разные эпохи — проповедники охотно привлекали занятные побасенки в качестве примеров, век Просвещения тоже увидел в сказке немало полезного, и Иоганн Карл Музеус в 1782–1786 году издал «Народные сказки немцев» — иные из них были более народными, чем сказки братьев Grimm, в том смысле, что Музеус действительно собирал фольклор в деревнях и городах и отсеивал все, казавшееся иностранным или книжным заимствованием. Но в духе своего времени он считал необходимым осуществлять сложную литературную обработку сюжетов. Еще больший интерес к отечественным сказаниям проявил другой Иоганн Карл — Нахтигаль, почему-то стеснявшийся своей звучной фамилии («Соловей»): «Народные саги» он предпочел в 1800 году издать под псевдонимом Отмар.

Слово «саги» связывало немецкие легенды с общим германским наследием, в особенности скандинавским. Так именовал легенды и Вильгельм Grimm, посвятивший им ученый труд. Параллельно со сказками братья подготовили также сборник преданий под общим названием “*Deutsche Sagen*”, разделив его на исторический и географический отделы. В этом собрании они чаще ссылаются на уже опубликованные источники — не только Отмара, но и Бюшинга (1812), и Готтшалька (1814).

Любовь к местным легендам, с точно названным городом, горой, селом или озером, не случайно укореняется с нача-

лом XIX века. Тут-то и основная причина особого везения немецкой сказки, того, что народная сказка для всех европейцев — в первую очередь германская, и только потом отечественная (англичане уже в середине XIX века грозились сократить братьев Гримм в детском чтении и заняться импортозамещением). Во всей Европе сказка — любимый жанр эпохи романтизма, первая половина XIX века жадно тянется к чудесным, а также к ироничным, чудовищным, странным сказаниям. И вера в народность — тоже общее место этой эпохи, так что собирательством сказок, их литературной обработкой занимались все дружно и практически одновременно. Однако в Германии эта эпоха совпала с недолгим пребыванием немецкоязычных областей в составе тогдашнего Евросоюза — Наполеоновской империи. Практически вся территория современной Германии и многие прилегавшие к ней области тоже с немецкой памятью были вырваны из своего благодушного самостоятельного бытия и вовлечены в мощное движение истории. А надобно учесть, что Германия на тот момент не была единой страной, но при полном сознании языковой и культурной общности представляла собой лоскутное одеяло княжеств, королевств, даже церковных областей. И когда «сорок сороков немецких отечеств» оказались вдруг провинциями или сателлитами стремительно наступавшей далее на восток империи, то пробудился и нежный интерес к своей малой и милой родине и потребность соотнести свое и общеевропейское. Тогда в Германии зародились индоевропейские исследования, проклюнувшиеся из понимания общности происхождения и культур, здесь составлялись первые своды универсальных мифов и первые компаративные словари (работа, в которой братья Гримм оказались одними из первопроходцев). И здесь же кинулись по крохам собирать именно местные сказания, успели вовремя, до того, как эти предания нивелировались в национальном государстве. Бременские музыканты остались бременскими.

Преемники братьев Гримм издавали по большей части не германские сказания, но легенды какой-то конкретной области или земли: на севере Германии работали Адальберт Кун и Вильгельм Шварц, с их опубликованным в 1848 году сборником успели свериться братья Гримм для канонического издания; Прёлъ обнародовал в 1853–1856 годах легенды Гарца, Антон Бирлингер успел собрать предания Швабии, этой огромной области, включавшей некогда и Баварию, и Баден-Вюртемберг, и многие кантоны Швейцарии, в 1860-е годы,

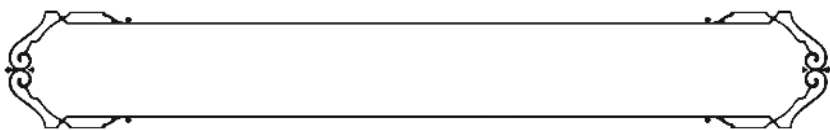
последние годы независимости. Иоганн Непомук фон Альпенбург в те же годы записывал тирольские истории, Бернхард Баадер — «саги» земли Баден, Георг Шамбах и Вильгельм Мюллер объезжали Нижнюю Саксонию.

Из легенд и саг, вошедших в эти многочисленные сборники, составлено приложение, которое отправит читателя странствовать по горам Гарца, городам Тюрингии и Баден-Вюртемберга, заведет в Берлин, познакомит с лужицкими славянами, перенесет в Тироль, позволит поприсутствовать при знаменитом выстреле Вильгельма Телля и исходе ютов из Швеции. Крупные исторические события и сугубо местные предания соседствуют наравне: сильнее всего в них привязанность к имени и месту.

Ландграфы и курфюрсты, рыцари и мужики, бароны и разбойники и бароны-разбойники, римские императоры и средневековые кайзеры, черти, призраки, русалки и водяные, великаны и гномы, горные духи, лебеди и львы — все они живут тут, в малом пространстве, в великом времени. Прорастая корнями в родную землю, питают нас сладостью истиннейшего вымысла. Все мы вскормлены этим млеком — если не кровные, то молочные братья по сказке, по любви к родному, по европейской причудливой памяти.

Сказки

1. СКАЗКА О КОРОЛЕ-ЛЯГУШОНКЕ, ИЛИ О ЖЕЛЕЗНОМ ГЕНРИХЕ

В старые годы, когда стоило лишь пожелать чего-нибудь — и желание исполнялось, жил-был на свете король; и все дочери его были одна краше другой, а уж младшая королева была так прекрасна, что даже само солнышко, так много выдавшее всяких чудес, — и то дивилось, озаряя ее личико. Близ королевского замка был большой темный лес, а в том лесу, под старой липой, вырыт был колодец. В жаркие дни заходила королева в темный лес и садилась у прохладного колодца; а когда ей скучно становилось, брала она золотой свой мячик, подбрасывала его и ловила: это была ее любимая забава.

Но вот случилось однажды, что подброшенный королевной золотой мяч попал не в ее протянутые ручки, а пролетел мимо, ударился оземь и прямо покатился в воду. Королева следила за ним глазами, но, увы, мячик исчез в колодце! А колодец был так глубок, так глубок, что и дна не было видно. Стала тут королева плакать, плакала-рыдала все громче да горестней и никак не могла утешиться. Плачет она, заливаясь, как вдруг слышит чей-то голос: «Да что с тобой, королева?! От твоих слез и в камне жалость явится!..» Оглянулась она, чтоб узнать, откуда голос звучит, и увидела лягушку, которая высунула свою толстую, уродливую голову из воды. «Ах, так это ты, старый водошлёп! — сказала девушка. — Плачу я о своем золотом мячике, что в колодец упал!..» — «Успокойся, не плачь! — отвечала лягушка. — У меня-то средство найдется, чтоб горю твоему помочь; но что дашь ты мне, если я тебе игрушку достану?» — «Да все, что хочешь, милая лягушечка! — отвечала королева. — Мои платья, жемчуг мой, камения самоцветные, а еще в придачу и корону золотую, которую ношу!» И отвечала лягушка:

«Не нужно мне ни платьев твоих, ни жемчуга, ни камней самоцветных, ни твоей короны золотой; а вот если бы ты меня полюбила, и стала бы я везде тебя сопровождать, разделять твои игры, за твоим столиком сидеть с тобой рядом, кушать из твоей золотой тарелочки, пить из твоей стопочки, спать в твоей постельке; если ты мне все это обещаешь, я готова спуститься в колодец и достать тебе оттуда золотой мячик!» — «Ну да, — отвечала королева, — обещаю тебе все, чего хочешь, лишь бы ты мне только мячик мой вернула!» Она-то думала: «Пустое городит глупая лягушка! Сидеть ей в воде с подобными себе да квакать, а где уж ей быть человеку товарищем!»

Заручившись обещанием, лягушка исчезла в воде, опустилась на дно, а через несколько мгновений опять выплыла, держа во рту мячик, и бросила его на траву. Затрепетала от радости королева, увидев снова свою прелестную игрушку, подняла ее и убежала вирипрыжку. «Постой, постой! — закричала лягушка. — Возьми же меня с собой! Я не могу так бегать, как ты!» Куда тебе! Напрасно ей вслед во всю глотку квакала лягушка: не слушала беглянка, поспешила домой и... скоро забыла о бедной лягушке, которой пришлось несолоно хлебавши опять вернуться в свой колодец...

На следующий день, когда королева с королем и всеми придворными села за стол и стала кушать со своего золотого блюда, — вдруг: шлеп, шлеп, шлеп, шлеп! Что-то зашлепало по мраморным ступеням лестницы и, добравшись до верха, стало стучаться в дверь: «Королева, младшая королева, отвори мне!» Она вскочила посмотреть, кто бы там такой мог стучаться, и, отворив дверь, увидела лягушку. Быстро хлопнула дверью королева, опять села за стол, и страшно-страшно ей стало. Увидел король, что сердечко ее сильно бьется, и сказал: «Дитяtko мое, чего ты боишься? Уж не великан ли какой стоит за дверью и хочет похитить тебя?» — «Ах нет! — отвечала она. — Не великан, а мерзкая лягушка!» — «Чего же ей нужно от тебя?» — «Ах, дорогой отец! Когда я в лесу вчера сидела у колодца и играла, упал мой золотой мячик в воду; а так как я очень горько плакала — лягушка мне достала его оттуда; и, когда она стала настойчиво требовать, чтобы нам быть отныне неразлучными, я обещала; но ведь никогда я не думала, чтоб она могла из воды выйти! А вот она теперь тут, за дверью, и хочет войти сюда!»

Лягушка постучала вторично и голос подала:

Королева-свет, меньшáя!
 Что же ты не отворяешь?
 Иль забыла обеща́нья
 У прохладных вод колодца?
 Королева-свет, меньшáя,
 Что же ты не отворяешь?